

ТОЛЬКО ДОМОЙ!

Кабинет директора сиротского приюта в западной зоне Германии. На стене портрет короля Англии. В углу радиоприемник. За длинным столом сидит директор приюта — Олдриж, представитель отдела перемещенных лиц провинции — Рексон, представитель английского Красного Креста — м-с Эйт и два англичанина в полевой форме. Несколько в стороне сидит советский майор Рукавишников. Англичане представляют знакомятся с какими-то документами, передавая их друг другу. Против них стоит маленький, бледный мальчик чисто, но бедно одетый, в сандалиях на босу ногу.

Рексон. Ребенок не понимает по-русски. Он говорит по-немецки.

Рукавишников. Это меня не удивляет. Его учат по-немецки, он долгое время жил среди немцев, и естественно, что он успел забыть свой родной язык. Мальчику было два года, когда его отравили от Родины.

Рексон (обращаясь к членам комиссии). Я думаю, мы можем считать ребенка польской национальности. Не так ли?

(Члены комиссии соглашаются).

Рукавишников. Я против такого решения. Мать ребенка украинка. Фамилия ребенка — Осипенко. Я утверждаю, что Федя Осипенко — украинец.

Рексон. Но украинцев, как национальность, не существует.

Рукавишников. В Советском Союзе существует не только украинская национальность, но есть Украинская Советская Социалистическая Республика со своим правительством во главе. Я удивлен заявлением м-ра Рексона. Это тем более странно, что вы, господа, не можете не знать, что УССР является полноправным членом организации Объединенных наций.

Рексон. Мы это знаем, но в нашей инструкции сказано, что украинцев как национальности не существует. Украинцы были когда-то расселены по Европе: часть из них была в России, часть в Польше, часть в Румынии и т. д.

Олдриж. Соответственно с этим, украинцев, проживающих в Румынии, мы называем румынами, проживающих в Венгрии — венграми.

Рукавишников. Считаете ли вы, таким образом, англичан, проживающих в Германии, — англичанами или немцами? Вы путаете понятия национальности и подданства.

Рексон (просматривая инструкцию и знакомясь с ней). Восемью параграфов нашей инструкции говорится, что украинцев как самостоятельную национальность не существует. Украина есть только географическое понятие.

Рукавишников (с трудом сдерживая возмущение). Может быть, в вашей инструкции сказано, что и весь Советский Союз со всем своим 200-миллионным населением является только географическим понятием?

Рексон. Нет. Об этом в нашей инструкции ничего не сказано. Я думаю, мы можем перейти к обсуждению следующей кандидатуры?

(Члены комиссии соглашаются).

Олдриж (безмолвно стоящему мальчику). Ты свободен. Ты можешь идти. Иди.

(Мальчик поворачивается и выходит. Рукавишников нервно закуривает).

Рексон (просматривая документы). Следующий ребенок Саша Бутузов. Не так ли?

Олдриж. Надо решить вопрос о его национальности. Мальчик записан, как ребенок польского происхождения. Хорошо говорит по-польски.

Рексон. По имеющимся у нас данным, Саша Бутузов, пятнадцати лет, поляк и круглый сирота. Не так ли?

Рукавишников. Не так. По имеющимся у меня данным, Саша Бутузов, неполных тринадцать лет — русский и происходил из города Воронежа. Отца его — советский офицер Евгений Бутузов и мать — Ольга Бутузова обратились к Советскому Правительству с просьбой помочь им вернуть сына на Родину.

Рексон (Олдрижу). Пригласите мальчика сюда.

(Один из полувоенных англичан выходит и приглашает в кабинет Сашу Бутузова. Мальчик явно растерян и расторожен. Присутствие советского офицера волнует его).

Рексон (Саше). Тебя зовут Саша Бутузов, не так ли?

Саша. Так.

Рексон. Какой язык ты считаешь своим родным?

Саша (растерянно). Не знаю... (вопросительно) польский?

Рукавишников. Ты говоришь по-русски? Саша. Плохо. Я почти все забыл.

Рукавишников. Я тебя пойму. Скажи мне, Саша, как звали твоих родителей? Ты меня понял? Как звали твою маму?

Саша (вспоминает). Ее звали... маму звали... Ольга Ивановна.

Рукавишников. А папу? Скажи, если помнишь.

Саша (вспоминает). Мучительно морщит лоб). Папу звали... (неуверенно) Женя... М-с Эйт. Это имя расколется с тем именем, которое назвал г-н майор.

Рукавишников. Оно не расколется с тем именем, которое я назвал. Имя отца Саша Бутузова — Евгений. Женя — это уменьшительное от Евгения. Это так же, как у нас — Эдуард и Эдди.

Новая пьеса С. Михалкова «Только домой!» рисует положение советских детей, вывезенных немцами в Германию. Большинство этих ребят до сих пор находится в западных зонах Германии; английские оккупационные власти всечески препятствуют возвращению советских детей на Родину. Мы публикуем третью картину этой пьесы, раскрывающей методы, которыми пользуются английские власти, не желая вернуть наших детей домой.

М-с Эйт (пожимая плечами). Может быть.

Рексон (Рукавишникову). У вас есть еще вопросы к воспитателю?

Рукавишников. Если разрешите. (Саше) На каком языке говорили у вас дома?

Саша. На русском.

Рукавишников. Кем был твой папа? Саша. Папа? Военный.

Рукавишников. Какую он носил форму? Саша (подумав). Вот такого цвета (показывает на форму Рукавишникову).

Рукавишников. Он носил погоны или петлицы?

Саша. У него вот здесь (показывает) были такие кубики (подумав) и две палочки, вроде крестика.

Рукавишников. Ясно. Он был младшим лейтенантом артиллерии.

Рексон. Вы навязываете мальчику желаемые вам ответы. Не так ли? Мальчик растерян и не соображает, что говорит. Его отец мог быть и полковым офицером. Куда вы и палочки в воображении ребенка не определяете еще формы той или иной армии. (Саше) Саша Бутузов! Ответь нам, хочешь ли ты вернуться на Родину?

(Саша молчит).

Рукавишников. Он молчит, потому что не знает, что такое Родина.

Олдриж (Саше). Вчера ты говорил мне, что хочешь уехать из Германии. Куда ты хотел ехать?

Саша (вопросительно). В Бразилию? Мне говорили, что нужно ехать в Бразилию.

Олдриж. Да. Ты извлял желание ехать в Бразилию.

Рукавишников (удивленно). В Бразилию? (Саше). Почему тебе нужно ехать в Бразилию? (Саша смотрит на м-с Эйт).

Саша. Я должен быть благодарным Красному Кресту Великобритании.

(М-с Эйт удовлетворенно кивнула головой и улыбаясь).

Рукавишников. Но причем здесь все-таки Бразилия?

Олдриж (умехаясь). Ему нравится эта страна. Он ее выбрал. Он имеет право высказать свое желание комиссии, где он хочет проживать, и мы обязаны это желание учесть при вынесении нашего решения.

Рукавишников. Разрешите мне задать еще несколько вопросов Саше Бутузову? (Члены комиссии соглашаются).

Рексон. Можете задать еще несколько вопросов.

Рукавишников (Саше). Скажи мне, Саша, что ты знаешь о Бразилии?

Саша (после мучительной паузы). Бразилия — страна солнца...

Рукавишников. Так. Ну, а еще что ты знаешь об этой стране, кроме того, что она страна солнца?

Саша. В Бразилии нужны рабочие, там есть для всех работа.

Рукавишников. Работа на кофейных плантациях. Да, такая работа там есть.

Рексон. Ваши вопросы исчерпаны, г-н майор?

Рукавишников. Нет. Разрешите?

Рексон. Мы ждем.

Рукавишников (Саше). Саша, что ты знаешь о Советском Союзе? (Саша молчит).

Рукавишников. Тебе никто не рассказывал о Советском Союзе?

Саша (тихо). Нет.

Рукавишников. Значит, ты не знаешь, как в Советском Союзе живут ребята твоего возраста?

Саша. Нет. Не знаю.

Рукавишников. Знаешь ли ты, что в Советском Союзе, на твоей настоящей Родине, есть Суворовские школы, где живут и учатся мальчики, для того, чтобы стать советскими офицерами, такими, как, например, я; что есть Нахимовские училища, которые выпускают моряков; есть ремесленные училища, где обучают мальчиков, как ты, может получить любую профессию? Тебе никто об этом здесь не рассказывал?

Саша. Нет. Не рассказывал.

Рукавишников (членам комиссии). У меня вопросов больше нет. Вы, уважаемые господа, слышали ответы Саша Бутузова? (Члены комиссии кивают головами).

Что же тут удивительного, что мальчик не хочет ехать на Родину? Он больше знает о чужой ему, далекой Бразилии, чем о близкой ему, родной земле — СССР. Он не имеет о ней никакого представления. Он забыл все, что он знал о ней. Из него вытравили воспоминания о родной земле, о родном доме. Я не знаю, господа, кого винить в этом! Может быть, вы называете мне его учителя?

Рексон. Мальчик получает образование, предусмотренное учебными программами сиротских приютов.

Рукавишников. Образование, устраивающее пожелания этих заведений!

Рексон. Я просил бы советского представителя...

Рукавишников. Да, да. Я ничем не хочу ограничить деятельность достопочтенного лорда Уолтона, но я не могу не выразить своего удивления и удивления моего народа по поводу того, что детей отцов, которые спасли Европу от фашизма, — советских детей, английские оккупационные власти почему-то задерживают в Германии или отправляют в заморские чужие страны! Почему их не отправляют домой, к родителям, которые их ждут? Почему от них скрывают правду? Почему им говорят, что они сироты, когда у многих живы родители и есть мать, имя которой — Родина?

(Члены комиссии переглаживаются).

Рексон. Чем вы можете подтвердить, что родители мальчика живы и разыскивают его?

Рукавишников. Это подтверждается личным письмом его родителей, опубликованным в советской газете.

Рексон. Мы не можем верить всему тому, что печатается в газетах.

Рукавишников (горячо). Вы можете не верить тем газетам, которые издаются частными лицами и выполняют волю своих хозяев. Наши газеты описывают только истинные факты. Но если вы не верите нашим газетам, то может быть, вы поверите этому...

(Рукавишников достал из своей папки какую-то фотографию и передал ее zvolно-ванному Саше).

Может быть, вы поверите этой фотографии? Саша, кто это?

Саша (долго смотрит на снимок). Рука у него дрожит. С трудом он выдвигает из себя несколько слов). Мама... Это мама... (Члены комиссии невольно пожимают плечами, перелистывают бумаги, перешептываются)

Рукавишников. Это твоя мама, Саша. Она живет сейчас в Москве и ждет тебя домой. Ее зовут Ольга Ивановна Бутузова. А рядом с ней — капитан Бутузов. Это — твой отец. (Саша потрясен).

Рексон (нервно). Я считаю поведение советского представителя недопустимым. Я прошу г-на майора ознакомить комиссию с переданной воспитателю фотографией, хотя это не имеет существенного значения для решения вопроса. Я считаю дальнейшее присутствие здесь мальчика не обязательным.

(У Саша на глазах слезы. Он глубоко вздыхает всем происшедшим).

Рукавишников. Господа, я не понимаю вашего хладнокровия! Неужели...

Олдриж (Саше). Ты свободен. Можешь идти. Саша Бутузов, иди. Ты нам больше не нужен.

(Саша протягивает фотографию Рукавишникову).

Рукавишников. Оставьте себе на память, Саша. Это — твои родители.

(Члены комиссии переглаживаются. Саша быстро выходит).

Рукавишников (нарушая молчание). Господа, я глубоко вздыхаю! Неужели передо мной сидят отцы? Неужели вы сами не имеете детей, которых бы вы любили? Что бы вы сказали, м-р Олдриж, если бы ваше дело заставило бы говорить на языке ваших бывших врагов и, наконец, когда вы нашли его — откликнулись бы вам его вернуть?

Рексон. Господа, не будем отвлекаться. У нас еще осталось несколько нерешенных вопросов, не так ли?

Рукавишников. Господа, я повторяю и утверждаю, что у Саша Бутузова родители живы и ждут сына домой. Неужели вы убеждены, что ему лучше будет прозреть в Германии, или будет работать на кофейной плантации в Бразилии, чем жить у себя на Родине, получать образование и расти в семье своего народа? Вернуть Сашу и подобных ему — домой, это ваша служебная обязанность, ваш гражданский долг, господа!

Рексон. Г-н советский майор очевидно забыл, что это — не адвокат, мы — не обвиняемые и здесь не судебное заседание, на котором произносятся подобные речи?

Рукавишников (встает). Я знаю, где я нахожусь, и я потому беру на себя смелость здесь так выступить. Я говорю сейчас от имени сотен матерей и отцов бесчисленных детей, которым вы, господа, незаконно и бесчеловечно отказываете в праве на счастье. Вряд ли ваши несправедливые решения, господа, найдут одобрение честных людей всего мира, в том числе и существование подлинных представителей нашего английского народа! Советские дети, находящиеся здесь, все, кто бы они ни были: русские, латыши, евреи, украинцы или белорусы, должны ехать домой: только домой! (Рексон встал. За ним поднялись остальные).

Я считаю, что дальнейшее присутствие советского представителя на этом заседании, как простого свидетеля — излишне! (Рукавишников взял фуражку и в знак протеста покинул кабинет. Члены комиссии заняли свои места. Шелест бумаг. Пауза).

Олдриж (нарушая молчание). Рассмотрим материал о Савельевой Инне, 13-ти лет. Национальность неизвестна. Девочка записана полькой. Живет у немки Эммы Вурст. Нам также есть запрос советского представителя. Опекушка обратилась в комиссию с просьбой...

(Занавес)

кавав все качества, подобающие советскому государственному деятелю.

Однако гарантировать гражданину Носелевскому, что министр ему ответит, мы не беремся.

По крайней мере, наше выступление тов. Сергеевчу не удостоило своим личным ответом. Мы прекрасно понимаем, что министру очень некогда. Тем более, что по словам письма из министерства: «В работе наших почтовых органов есть имеющиеся существенные недостатки. Министерство связи проводит серьезную и последовательную борьбу с ними».

Занятие, достойное всякого уважения. Но, право же, мог министр связи на полчаса оторваться от повседневной борьбы и лично ответить десяткам тысяч наших читателей на их законные вопросы.

Последнее замечание. Министерство связи считает, что М. Исаковский «оглульно охватывает наш советский почтовый аппарат и десятки тысяч самоотверженно работающих людей».

Мы прекрасно знаем, что в почтовом аппарате работает множество отличных советских людей, пресловутых работячков. Это хорошо знает и поэт М. Исаковский, которому еще никто, никогда за всю его жизнь, не предъявлял обвинения в том, что он «охлаждает» советских людей. По мере своих сил М. Исаковский всегда прославлял советского человека-труженика.

Мы «охлаждаем», товарищи из Министерства связи, журналистика и волюнтеры. Они нетерпимы в любом советском аппарате, в том числе и почтовом. — нетерпимы, впрочем, так же, как и громкие фразы.

Мария Ефимовна Шубина — застенчивая школьница. Искра, Богородского района Горьковской области, потеряла мужа, погибшего в Отечественной войне. Зено М. Е. Шубиной выполнено обещание, данное И. В. Сталину, — собрать урожай. На снимке: дети М. Е. Шубиной идут в школу. Фото Я. Берлякера.

«КОНЕК-ГОРБУНОК» НА ЭКРАНЕ

НОВЫЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫЕ ФИЛЬМЫ

Московская киностудия художественных мультипликационных цветных кинофильмов выпускает новые картины, посвященные великим работам послевоенной сталинской пятилетки.

Герой фильма-сказки «Путешествие в страну великанов» (режиссер Д. Бабиченко), 12-летний мальчик Павлик, совершает увлекательное путешествие по необитаемой Советской стране, раскинувшейся от Черного моря до Тихого и Ледовитого океанов. Павлик посещает шахты, рудники, металлургические заводы, железнодорожные станции. Всюду он встречает неутомимых советских тружеников, днем и ночью добывающих уголь и железную руду, чугуны и сталь, создающих на своей родной земле новый прекрасный мир.

Заключены производством кинофильмы: «Тебе, Москва» (режиссер Г. Ломидзе, сценарий В. Длугаца и С. Романова) и «Веселый городок» (сценарий и постановка режиссера В. Сутеева). Кинофильм «Тебе, Москва» посвящен 800-летию Москвы. В нем показывается великая роль Москвы, как столицы русского государства в прошлом и как политического, военного и культурного центра Советского Союза, являющегося могучим оплотом мира и дружбы народов.

Фильм «Веселый городок» повествует в лирико-комедийном плане о забавных приключениях детей — брата и сестры Кнопочных, об их дружбе с птицами, собакой и огородным чудом, помогающим вырастить богатый урожай.

В новом варианте будет выпущен в 1947 году художественный мультипликационный цветной фильм «Квартет» (по мотивам крыловской басни, режиссер А. Иванов).

Одной из самых крупных за последние годы постановок студии Союзмультфильм является полнометражный звуковой цветной фильм «Конек-Горбунок» (режиссер И. Ваню). В основу сюжета положено содержание известной народной сказки П. Ершова. Кинофильм «Конек-Горбунок», состоящий из более чем 80.000 рисунков, будет закончен в этом году.

За последнее время студия Союзмультфильм привлекала к работе многих советских писателей. С. Маршак совместно с драматургом Н. Эрланом пишет сценарий полнометражного мультипликационного цветного фильма по своей пьесе-сказке «Двенадцать месяцев». В. Катаев написал сценарий по своей сказке «Известный-Семилетний». М. Вольпин и Н. Эрлан закончили работу над сценарием современной сказки-были «Федя Зайцев». Г. Березко написал сценарий «Сорая Шейка», написанный по мотивам одноименного произведения Д. Маннин-Сибиряка. Р. Фатеев написал сценарий комедийного фильма «Слон и муравей» по басне дагестанского народного поэта Г. Цаласа.

Б. ВОРОНОВ.

Знание жизни дает победу

Гоголь говорил одному приятелю своему, Ариолди: «Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорогу». Этой настоящей дорогой Н. Гоголь считал путь молодого Тургенева и Дала, литературу, основанную на знании.

Н. Гоголь просил, чтобы ему прислали «Андросова и еще, если есть какое-нибудь замечательное сочинение, статистическое о России вообще». Он писал: «Я ничего не читаю, кроме статистических и всякого рода документов о России...»

Русская литература — литература точного знания, ее путь — путь знания, труда. Ломоносов вводил в поэзию новую теорию поэтического языка. Беллетристическая работа Карамзина над историей привела его к созданию книги о русской истории. Для того, чтобы написать «Капитанскую дочку», Пушкин перед этим написал историю Пугачевского бунта.

«Записки охотника» Тургенева начинаются твердым, почти научным описанием края, в котором происходит действие. «Фрегат Паллада» Гончарова поражает нас точностью художественного описания. Т. Толстой ввел в свой роман военную теорию. Чехов, для того, чтобы написать книгу о Салехе, работал методами учебного-статистического — составлял карточки, проводил полевые опысы.

Произведения Герцена представляют собой пример соединения науки, философии и беллетристики.

Русские писатели обладают величайшим умением строить сюжет на основе жизни.

Молодой Чехов написал повесть «Шведская спичка», которая до сих пор переиздается в Америке, как идеальный детектив, но Чехов бросил это найденное умение, как игрушку, создавая новое жанровое искусство, точно изображающее действительность, воспринимаемое ее сущность.

Н. Гоголь иронизировал над французской комедией. У него светская дама в «Театральной развезде» говорит:

«Об ученом не пишу у нас так, как французы пишут, например, как Дюма и другие?».

Да, у нас не писали и не будут писать, как писал Дюма.

Гомер говорил про Одиссея, что тот, будучи поднят высокой волной, далеко увидел мир.

Мы подняты высокой волной победы, мир заново видит нашу страну, заново ее переживает. Поэтому именно сейчас мы должны писать о себе просто и точно.

Салтыков-Щедрин говорил: «Литература провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека».

Советская литература основана на полном приближении к действительности и на предельной действительности. Она глядит вперед; она не эмпирична, хотя основана на фактах. Советская литература — литература объема-широкая, повторовская, жадно vibrating новый материал. Именно поэтому она литературно и формально нова.

В Маяковский сломал старый русский стих, потому что он ему мешал передать новую интонацию, особенности новой действительности.

П. Павленко много работал в литературе и кинематографии. К кино писатели часто относятся, как к работе второстепенной. А между тем советская кинематография умеет поднимать новые темы, умеет философски вскрывать сущность явлений, по-новому осваивать новый материал, делая его доступным для понимания самых широких народных масс.

Удача сценария «Клятва» принципиальна. В ней судьба каждого человека неразрывна с судьбой мира. При этом люди не становятся символами, они показаны в полноте роста.

Роман П. Павленко «Счастье» создан зрелым и не усталым художником. Герой произведения Воропаев — инвалид Отечественной войны; он ходит на протезе. Во-

ропаев не может продолжать свою боевую жизнь и едет болеть в Крым. Его первая мечта — это мечта о доме, о нескольких деревьях, об отдыхе.

Крым полон переселенцами, никто еще не знает своего будущего, никто не знает новой работы, новой природы. Полковник Воропаев начинает жить среди неустрашенных людей.

Это человек с советской биографией, любящий жизнь, жадный ко всему интересному, верящий, что все можно сделать, привычный к общению с людьми, неутомимый и беспоконный. Это очень своеобразный человек и в то же время очень типичный.

Воропаев связывается с окружающими людьми, оказывается всем нужным. Жизнь вокруг него находит применение. Имеются и судьбы людей. Оказывается, что все вокруг строит не дом, а мир; у советского человека иное ощущение стен, иные границы личного.

Рамки произведения раздвигаются; идет Латинская конференция, приезжают иностранцы. Стакиваются люди разных миров.

Роман наполнен событиями и фактами, точно названными. Люди делают вино, изменяют систему сельского хозяйства, создают сады на склонах гор, ловят рыбу, строят дома. В романе вторгается очерк.

Продолжается война, наступают советские войска на Запад. Спены войны не всегда связаны со спенами мира, но они связаны с увеличением: виден народный характер войны и жадно глядящие, все понимающие люди — не зрители, а работники жизни.

В романе есть и мало удачные места. Может быть, не нужно было развывать сердце читателя изображением детей-калек. Может быть, корреспондент Воропаев — Александр Ивановна Горева — слащаво литературна.

В сюжете «Счастья» П. Павленко много от техники советского сценария. Старый роман бежал по земле, как автомобиль, и вот он взлетел в воздух, как аэроплан. Это уже искусство иного качества, новое приближение к действительности, причем психологичность старого русского романа, истинность его переживаний не утрачены.

П. Павленко живет мужественной жизнью писателя, который знает шум сражений, шум стройки нового мира и счастье человека, рождающегося в этой борьбе.

Сейчас в слоботе Пытлыхе над рекой Сетунь, папицы Новодевичьего монастыря, Александр Ловженко копает с/ему кинокамеры «Жизнь в ветру».

Лета начнется кадрами зими, потом встанет солнце, начнет рожаться вода под снегом, голубеет натр. и цвет входит в киноматерию, не как раскраска, а как органически нужная часть произведения. Расцветает жизнь в руках Мичурина.

По-новому появляются цветы на экране. Старый, недовольный человек, верящий в силы человечества, передает природу, изменяя ее и самого себя.

Великий человек счастлив своим великим счастьем, не пожимая на счастье старого человечества — крупное счастье, которое так легко разрушалось временем и непониманием.

Произведение Ловженко рассказывает о борьбе русского кинематографа с теорией Менделеева. Столкновение научных идей становится сюжетом вещи. Перед нами новое приближение к действительности, философия которой становится искусством.

Быть может, Мичурин в сценарии еще один. У него еще нет умения связываться с людьми; он нужен всем, но он еще аэроптеричен.

Воропаев счастливее его, счастливее почти-что на тридцать лет.

Читательское спасибо

Корней ЧУКОВСКИЙ

Нежданно-негаданно в нашей литературе возник новый замечательный критик, страстно взволнованный теми проблемами, какие волнуют и нас.

Этот критик — Салтыков-Щедрин. Читателя его сочинений, изданных в до-советское время, знали только Щедрина-беллетриста. Теперь же — впервые — он встал перед нами и как самобытный теоретик по вопросам искусства, учения и продолжатель Белинского, и как многоопытный мастер труднейшего жанра — краткой, саркастической, убийственно меткой рецензии.

И хотя его повзвратные статьи и рецензии написаны в давнюю пору, — читая их, не можешь отрешиться от мысли, что она — как современник, союзник и сверстник, участник наших нынешних литературных боев.

Читаешь, например, в статье о Писемском о торжестве реалистического искусства в России и о той бедне, которая лежит между этим искусством и натуралистическим америкализмом, и кажется, что это написано только вчера.

Такой же голос нашего современника слышится в его нередких высказываниях о так называемом чистом искусстве.

Не дико ли, что так долго могли скрываться под спудом такие жизненно важные произведения великого автора? В одном только восьмом томе полного собрания его сочинений имеется пятьдесят с лишним статей, которые были неизвестны читателям досоветской эпохи.

Но же добыли для нас из-под спуда эти неизвестные статьи Щедрина?

Большинство из них разъяснено литературоведом С. Боршевским. Причем для нас представляется высокой ценностью не только результаты, достигнутые этим исследователем, но и те искусные методы, которые использовал он, чтобы добиться таких результатов.

Ведь во множестве случаев никаких материалов, доказывающих, что это статьи Щедрина, в его распоряжении не было. Статьи были анонимные, и только путем анализа их тематики и литературного стиля можно было дознаться о их принадлежности автору «Губернских очерков».

Метод, казалось бы, чрезвычайно рискованный, но, обнаружив изумительную эрудицию в области щедринской текстологии, исследователь при помощи параллельных цитат, составленных из других произведений писателя, доказал с математической точностью, что, кроме Салтыкова-Щедрина иного автора данных статей и рецензий не было и быть не могло.

Работой Боршевского любезюсь, как произведением искусства. Так она неотразимо убедительна, смела и находчива. И в то же время в ней ни грамма делегательства, субъективного произвола, кустарщины, — ввиду глубокого научного проникновения в текст.

По моему, читатели, выразили ли вы в достояние чтению благодарность исследователю, открывшему для нас эту книгу? Попробуйте ли вы, сколько многолетней и широкой вдохновенной работы скрывается в этом коротком подзаголовке: «Редакция текста такого-то?»

Едва ли. Полагаю, что нет. Редактор текста — для нас все еще человек-невидимка, и мы даже не стараемся увидеть его.

Вот на книжной полке перед нами монументальное «Полное собрание сочинений Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова)». В этом издании есть, конечно, свои недочеты, но, в общем, оно является одной из несомненных побед советской литературной науки.

Как бестолковы и жалки все дореволюционные издания великого классика по сравнению с этим двадцатитомным собранием его сочинений! Впервые мы получили подлинную возможность читать, изучать и понимать Щедрина.

Как же не заинтересоваться именами людей, осветивших для нас комментариями

каждую недостаточно понятную отработку, установивших канонические тексты четырехнадцати тысяч страниц и давших нам семь или восемь томов нового щедринского текста. Как же не поминуть с благодарностью А. Лавренко, С. Макашину, Вас. Гиппиуса, Д. Заславского, В. Кириотина, П. Лебедева-Полянского и других «щедринистов», так плодотворно порабатывших над этим изданием.

Имя этого второго новооткрытого критика — Н. А. Некрасов. Многие из его высказываний прозвучали для советских людей, как боевые лозунги, обличающие с нами Некрасова-критика, борца за демократизацию родного искусства, за освобождение его от барской, салонной, «мотыльковой», «пафвальной» эстетики.

«...Нет науки для науки, нет искусства для искусства, — все они существуют для общества, для благополучия, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни...»

Недаром автором некоторых некрасовских статей и рецензий читатели считали Белинского.

Статьи эти были затеряны в старинных журналах, заспанных столетие пылью, и, так как под ними не было некрасовской подписи, никто, даже специалисты, не знали, что это — произведения Некрасова.

Честь их открытия принадлежит целой бригаде советских ученых, главным образом, одному из молодых ленинградцев, поблещему во время войны, — А. Максимо-вичу, который, со свойственной ему страстной энергией, не только разыскал эти никому неизвестные произведения писателя, но и вдумчиво истолковал их в своих комментариях, для чего ему потребовалось несколько лет исследовательской работы.

Результат этой работы огромен: в собрании сочинений Некрасова появился новый том, где будут сотни страниц, до сих пор не известных читателям. Многие из этих страниц послужат надежным оружием в нашей нынешней борьбе с бездельностью.

На обороте титульной страницы мы прочтем скромную надпись: «Составил А. Я. Максимович», и многие из нас догадываются, какой безмерной благодарностью обязаны мы этому «малозаметному» труженнику, обогатившему нас такими сокровищами!

Мы все еще не совсем понимаем, какой непоколебимый оплот лежит между старым литературоведом и нынешним.

Текстологии, «шпунгисты», «специалисты по Лермонтову», редакторы и комментаторы классиков все еще рисуются иному из нас мелочными педантами, которые, освободив себя от работы мышления, самолюбиво заменили ее тушим крохоборством и требуют, чтобы мы считали это крохоборство наукой!

В старину таких литературоведов было множество (начиная с пресловутого Геннади). Их в свое время бичевали и Добролюбов в «Свистке», и Курочкин в «Искре», и Щедрина в «Современной идиллии». Эта порода живуча, и, конечно, ее представители живут свою жалкую и в наши дни. Но их давно уже вытеснили литературоведы нового, советского типа.

Стиль этот определяется прежде всего научно-философским пониманием изучаемых текстов и отчетливым знанием их социальной направленности. Основываясь на марксистско-ленинской теории, наше литературоведение, закаленное в борьбе с формализмом, приобрело небывалые силы. Эти силы сказались во всех областях и в том

числе, конечно, в текстологии. Стало ясно, что без глубокого проникновения в творческие процессы писателя текстолог даже не сумеет прочесть его рукопись.

Те, кто все еще считают работу советских текстологов мертвым, механическим делом, далеком от идейной борьбы, пусть вспомнят хотя бы исследование С. Бонди о «рыпаче бедном», где при помощи научного анализа пушкинских рукописей был сокрушен и разбит целый полк буржуазных фальсификаторов Пушкина, пытавшихся (во главе с Гершензонем) напильник на его личину символиста и религиозного мистика.

И сколько таких же реакционных легенд о Некрасове разрушили советские ученые! Достаточно сказать, что еще в 1904 году Некрасова упрекали в печати за слишком мягкое (!) и снисходительное (!) отношение к царю Николаю I (в поэме о русских женщинах). На самом деле эта поэма бурливо плачет яростью к палачу декабриста:

Да, цени! Палач не забыл ничего — О, мстительный трус и мучитель!

Такие проклятия Николаю оказались полна до краев гневная поэма Некрасова, которую на основе неименного текста считали в досоветское время слишком благосклонной (!) к царю! Вообще можно без всякого преувеличения сказать, что подлинного Некрасова читатель узнал лишь теперь. Сорок лет спекулянтские-издательские печаталы из года в год цинично-халтурное издание его, как он сам говорил, испоконных старой цензурой стихов. От читателей скрывали и поэму «Белинский», и стихи о Шевченко, и гениальную «Солдатскую песню» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», и «Вчерашний день, часу в шестом», и «Смолкан честные, добротные павшие» и т. д. и т. д. И не было в тех изданиях ни строки комментариев, — читатель не должен был знать, что в таких-то стихах изображен Чернышевский, а в таких-то — Добролюбов и Писарев. Даже насильственные вставки цензуры, на которые Некрасов соглашался «со смирением», свято сохранялись во всех досоветских изданиях. Вообще, если бы в наше время появились такие издания классиков, какие были обычным явлением до самого семнадцатого года, то редакторы отправили бы нас к сямью подсудимым. Советский народ не позволил бы относиться к его литературным святыням с преступной небрежностью.

Культура литературоведческой редакционной работы так повисла, что изданные, например, в основанной Горьким «Библиотеке поэта» Державин, Жуковский, Огарев, поэты-петрашцы, Жульберкер кажутся новыми поэтами, впервые прочитанными. Когда читаешь солиднейшие собрания сочинений Крылова, Гоголя, Чернышевского, Добролюбова, Чехова, — какими захолустными, антинаучными, постыдно небрежными представляются нам старые издания классиков! Конечно, и прежде бывали мастера текстологии, но это были только одиночки, а нынче, впервые в нашей литературной истории, создалась целая плеяда мастеров, вооруженных победоносной марксистско-ленинской теорией.

И если бы нужно было свидетельствовать о тех небывалых высотах, которых достигли в последнее время литературоведение нашей эпохи, достаточно было бы указать на полки, где компактно строем стоят пятьдесят томов нашего «Литературного наследства», издаваемого Академией наук СССР, и тут же продемонстрировать какой-нибудь «Исторический вестник», где в старое время, наряду со всякими другими статьями, печатались и материалы по литературной истории. Показалось бы, что из области серьезной и в то же время глубоко эмоциональной науки вы попали к разному анекдотистам и тушам архивариусам, о которых еще Некрасов писал:

Это шир гробоскрябателей!

Дальше, дальше поскорей!

Как будто не тридцать, а тысяча лет прошла между нами и нами.

ВСТРЕЧА С МЕЧТАТЕЛЕМ

Семен КИРСАНОВ

Действительный член Казахской Академии наук, профессор химии Абибек Бектуров консультирует студентов Казахского университета в лаборатории неорганической химии. Фото К. Новикова

На днях у меня произошла встреча с мечтателем. Он не составлял фантастических проектов озеленения пустыни Гоби и не отстаивал идею строительства теннисных площадок на крышах домов. Нет, мой собеседник, работник прилавка, был рядовым мечтателем-реалистом из тех, которые мечтают о вещах конкретных и близких каждому из нас.

Я встретил его перед витриной магазина, в которой прихотливая рука художника соорудила нечто, достойное удивления. Внизу витрина была выложена замисловатой в виде морской звезды узором из сотен корбочек с шпретуром вперемежку с тубиками губной помады. Пышные связки резинки для носков, уцепленные записными книжками, испладали на верса из карточных колод, обрамленные орнаментом из лувинги. Над всем этим высился огромный голубой пир с рогом изобилия, из которого щедро сыпались рыболовные крючки и женские гребни. Я услышал вздох гражданина, смотревшего на витрину глазами, полными мечтания о необыкновенном.

— Хорошо? — спросил я.

— Ужасно! — ответил он. — Я сейчас стою и размышляю о том, когда же снимут этот пир, из-за которого у нас в магазине темно. Покупатель не видит товара, а с трудом разбирается в чехе. Можете ли вы, глядя на витрину, разобраться в том, что продается в нашем магазине? Крючки и гребни уже давно распроданы. Сейчас у нас есть термосы и кофейные мельнички, а поставить на витрину нельзя — нарушат художественное единство. За это единство заплачено художнику пятнадцать тысяч рублей!

Мы медленно пошли по вечерним улицам города. Вздвонивший продавец поднял передо мной занесен, скрывающие тайны горловины.

— Вы думаете, что продавец не хочет культуру торговать? Конечно, есть и такие, что и нагубят покупателя, и на вопрос не ответят, не объяснят, что за товар, поддут покупку, не завернут ее в бумагу. Таких надо учить. Попробуйте, товарищ, мы же знаем, что именно мы, собственно говоря, призваны вознаграждать труд людей. Как хочется видеть довольного, благодарного покупателя! Как хочется проявить инициативу, повлиять на артиста, мастера, фабрику, чтобы они делали то, чего жлет покупатель.

И вот, я вижу себя: я и мои товарищи по работе сидим у нашего министра торговли, уважаемого товарища Любимова Александра Васильевича в его кабинете. Мы ему рассказываем о том, как торгует, что нам мешает работать так, чтобы покупатель был нами доволен, какие товары правятся советским людям, какие — нет, какие порядки в наших магазинах по душе нам, какие — раздражают. Словом, выкладываем все, что наболело, душу свою вкладываем товарищу Любимову. А он нас внимательно слушает. Мы беседуем, советуемся. Пришла очередь мне говорить. Я высказываю все, о чем так много думал!

По нет, это только мечта. Не вызвал нас к себе товарищ Любимов и не вызывает. Далеко от нас наше Министерство торговли!

Мой собеседник опять вздохнул и продолжал дальше.

— Понимаете, наш торговый аппарат очень близко соприкасается с населением. А вот с производством — никаких связей. Я-то знаю, что хочет от меня школьник, девушка, служащий, домашняя хозяйка — каждый постоянный посетитель нашего магазина. Или вот вы, писатель, я бы заказал для вашего брата-писателя улыбки, больше (и — неогоргие!) блокноты, хорошие современные авторучки, лучше паркерских, небольшие тетради (помним, были такие «для слова»), твердые папки для рукописей! Причем, но все одинаковые, а разные, разных сортов и размеров. Но мне куда пойти, некому об этом сказать! Мне хочется видеть наших юношей в аккуратных, неотпорывающихся воротничках, с красивыми галстуками. Вот вчера нам прислали партию галстуков с набивным рисунком масляной краски. Что мне с ними делать? Продавать? Параски...

Мы — продавец и директор магазина — много могли бы посоветовать производственникам, помочь им улучшить ассортимент товаров, а значит, и удовлетворить требовательного советского покупателя. Можно было бы завести книгу пожеланий и заказов покупателя в магазине, собирать конференции покупателей, торговцев и производственников, премировать наших мастеров за лучшие модели. Но нас никак не зовут — только и требуют: продай, слай ордера, отчитайся в талонах — и все. А мы так скучно.

Собеседник долго молчал, думая о чем-то, продолжал он. — не так легко и просто удовлетворить потребности советского покупателя. Нашей промышленности трудно — потребность огромная, покупательная способность у нас очень велика. Но ведь промышленность выпускает множество товаров и все увеличивает их. А достать эти товары покупателю по-культурному мы не умеем.

— Вот, возьмите наш ассортимент. Разве я знаю, чем буду торговать завтра? Не знаю. Спросит меня покупатель, когда у нас будут, скажем, теплые перчатки. А мне неизвестно. По опыту предлагаю, а в разгаре весны. У нас ведь работа строится так: навалит лувинги, продам штучками. Потом «сиректуемся» на дамские сумочки. В нашем магазине, скажем, получат ашк ручек, а перья — нищи в другом районе.

Нет у нас в магазине твердого минимума ассортимента, чтоб покупатель точно знал, какие товары он может рассчитывать всегда найти у нас. Нет такого ассортимента минимума, чтобы товар был не скольких сортов, чтоб всегда была последняя новинка той или иной вещи. Покупаем? Людям хочется нового и все лучшего. Разве похож новый автомобиль «Лобода» на давнишний газик? А ходокой шпретур часто не изменяется лет по десять-пятнадцать. Рубашки кроют по старым лекалам фасона 1922 года! Производители говорят: это делается по утвержденному стандарту. Но я лично так понимаю стандарт: делай не хуже вот такой нормы, вот такого качества. Что же насчет разнообразия — подавай мне вещи, не похожие одна на другую, вещи на разные вкусы. Старуха хочет видеть черную кружевную шаль, а я ей даю шаль в таких ярких цыганских цветах — хоть на свадьбу иди! Но у меня других шалей нет!

Почему так получается? А потому, что на базис, в торгах, да и в самом министерстве за огромными списками товаров не видят ассортимента. Названий товаров сотни: есть и шаши, есть и шляпы, есть и туфли. А настоящего ассортимента этих товаров нет.

Работая я уже несколько лет в этом магазине, А, поверьте ли, не знаю, что это за магазин. Писчебумажный? Похоже, да не то. Галантерейный? И да и нет. Прядуточный? Вроде, но не совсем. Обувной? Вызывает он и обувным. Мы, продавцы, называем его «магазин неопределенных товаров». Я не отрицаю — конечно, есть у нас в городе хорошие магазины с ясной, определенной специализацией. Есть хорошие универсамы со специализированными отделами. Но многие магазины принадлежат к типу «что приплету». А почему? Потому что связь наша с базисом, с отовками чисто цифровая. Магазины обезличены, их запросы игнорируются. Вот и судите. Сначала — покупатель, ему некогда сказать о своих запросах; затем — продавец — ему некогда сказать о запросах покупателя; потом оптовое звено торговли; не связанное с производством; потом оптовое звено промышленности; и, наконец, производство, изготавливающее те предметы, к которым оно привыкло.

Как было бы хорошо, если бы фабрики, производящие товары для населения, открыли в городе свои магазины и продавали сами собственную продукцию. Тогда, в первую очередь, производство смогло бы учесть интересы покупателя и опенить его отношение к тому или другому товару. А вторых, получились бы хорошие современные фабрики однородной продукции. Хорошо, если бы у нас были специализированные магазины, скажем, вроде магазина газопаратуры в Москве. В этом магазине имеем плиты, и газовые колонки, и детали к ним, а кстат, и кухонная посуда. Там налажена доставка на дом, вам обещают, как обращаться с плитой, как устранить недостатки. Подобных специализированных магазинов должно быть в Москве больше.

— Возьмите вопрос о таре, об упаковке, — горячился мой собеседник. — Кое-что у нас сделано в этой области. Хорошо упаковываются дорогие конфеты, печенье. А макароны? Фабрика обязана отгружать макароны в коробках или в ашках. Но производственники губят свой же товар, только что изготовленный: ссыпает макароны в мешки и грузит их навалом. Удивительно, что после этого, что покупатель получает 50 процентов лома и 50 процентов крошек и обжигается. На кого? На продавца. А виновато, конечно, руководство фабрики, которое сводит на нет усилия мастеров, рабочих. Вынолаты и посредники между нами и фабрикой, не умеющие постоять за интересы покупателя. А сколько товаров поступает в продажу в неопределенном виде! Сколько товаров, подлежащих браку, не бракуется! Снизилась, очень снизилась требованья наших баз и торгов к качеству товара, к необходимой таре и упаковке.

Смотрите, товарищ писатель, транспорт, сельское хозяйство, промышленность — вся наша страна в разгаре борьбы за выполнение планов годового пятилетки, в великом подвиге, а наше торговое дело отстает. Все, кроме нас, живут как-то на виду. Шахтер работает в глубине земли, а его вся страна видит. А продавец у всех на виду, да будто никому до его работы и дела нет...

— А вы бы, товарищ, — сказал я, — собрались бы в своем торговом клубе, поставили бы все эти вопросы, проявили бы инициативу!

— В клубе? Нет у нас клуба в Москве! — Ну, выпасали бы в свою газету.

— Вы, товарищ писатель, отстали от жизни и находите в стороне от действительности. Нет у нас, торговцев, своей газеты. Вот уже сколько лет о нашем деле не пишут. Так и живем без критики и без самокритики. О газете только мечтаем. Может, вы в своей газетке про нас? Только вряд ли... Наш вопрос ведь не литературный...

И мы расстались — я, задумавшись о забытом напаш прессы советском торговом деле, о Министерстве торговли, которое все еще руководит пока распределением товаров, а не торговлей вил, а мой собеседник — в мечтах о своей работе, о магазине, который может и должен быть лучше.

Да, и может и должен!

Советская литература за рубежом

В Иваново под руководством физика П. Воронцова изготовлены первые образцы святилища тканей. При дневном свете они переливаются всеми возможными оттенками красок. НА СНИМКЕ: физик П. Воронцов в своей лаборатории.

К 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР организует большую выставку «Советская литература за рубежом».

В залах Центрального дома литераторов будет экспонировано около полутора тысяч книг 180 советских писателей, переведенных на иностранные языки и изданных за границей, а кроме того, сборники и антологии советской поэзии и прозы и зарубежная периодическая пресса, в которой печатаются романы и повести отдельных авторов. Это лишь небольшая часть произведений наших писателей, появившихся за рубежом в последние годы (1941—1947).

На карте мира будет показано проникновение советской книги во все концы земного шара — от Канады до Индии, от Австралии до Уругвая — и особенно широкое распространение ее в дружественных нам славянских странах. Среди экспонируемой литературы: «Мать» М. Горького на анимитском языке, «Молодая гвардия» А. Фадеева, изданная в Китае, Италии и Болгарии, роман И. Эренбурга «Гладные Париж», печатанный в Палестине на древнееврейском языке, повесть Б. Горбатова «Непокоренные», вышедшая в Уругвае, «Науки ненависти» М. Шолохова — в Индии, и т. д.

Отдельные стеллы посвящаются изданиям произведений В. Маяковского, М. Горького, Н. Островского, А. Толстого и других писателей, чьи книги особенно популярны за границей.

Реакционная печать капиталистических стран, боясь идейного влияния советской художественной литературы, всячески препятствует проникновению ее в широкие круги зарубежных читателей. Вопреки этим стараниям, книги наших писателей завоевывают все большую аудиторию за границей. Материалы, дающие представление об этой борьбе двух культур, будут представлены на выставке наряду с огромным количеством отзывов иностранной прессы, свидетельствующих о все растущем интересе к советской книге и популярности советских писателей за рубежом.

На выставке будет лага полная библиография советской литературы, изданной за границей с 1917 года.

Выставка откроется в Центральном доме литераторов в конце октября, а затем будет перенесена в открытые аудитории столицы и отправлена в города Советского Союза.

Музей МХАТ

Недавно, после длительного перерыва, в специально оборудованном помещении открылся музей Московского Художественного академического театра им. Горького. Созданию новой экспозиции предшествовало более чем трехлетняя научно-исследовательская и организационная работа. Экспонаты, размещенные в шести залах, отражают почти полувековой путь развития Художественного театра.

Маразм буржуазной биологической науки

Крупнейший советский ученый биолог Климент Аркадьевич Тимирязев, приводя слова поэта: «Где высоко стоит наука — стоит высоко человек», — добавляет: «Падает человек — низко падает и наука».

Советскому читателю трудно себе представить, чтобы современные ученые всерьез обсуждали «логичность» или же «нелогичность» мнений о том, имел ли Адам пуки или нет. Однако такого рода обсуждения — факт. Оно нашло отражение, например, в «фундаментальной» книге английского биолога Девиса: «Эволюция в свете современной критики». И занимаются этим буржуазные биологи с целью, которую отмечает сам Девис: «для примирения эволюции с творением».

Идея эволюции, идея развития растительных и животных форм — величайшее завоевание биологической науки, связанное с именем гениального биолога Чарльза Дарвина. Однако в настоящее время идея развития не в почете у громадного большинства западных и американских буржуазных биологов. Им гораздо более по душе миф о «творении». И они отстаивают этот миф иногда открыто, чаще же под прикрытием словесной наукообразной шелухи.

Английский биолог Джулиан Гексли озабочен тем, чтобы «доказать» предел эволюции, провозглашая, что прогрессивному развитию живой природы пришел конец. Во время войны народов с человеконенавистническим фашизмом Джулиан Гексли пишет и издает книгу «Эволюция», в которой он пытается дать, как гласит подзаголовок книги, «современный синтез идей».

Каков же этот «современный синтез», по Гексли?

Гексли утверждает, что прогрессивная эволюция животных и растений имела ме-

генетика в Советском Союзе. Эта книга снискала себе за короткий срок множество хвалебных рецензий в самых разнообразных английских и американских журналах. Авторы Хедсон П. С. и Ричине Р. Х. воюют с господствующим в нашем Союзе прогрессивным направлением в биологии — с мичуринским учением — именно потому, что мичуринское учение зиждется на материалистической основе. С усердием, достойным лучшего применения, они протестуют против того, что биологи «предлагают принять такие выводы, как отрицание существования нематериального бытия, вечность материи, невозможность сохранения в неизменном состоянии, существование основных противоположностей и значение истории в биологии». Авторы считают несоответствующим «беспристрастным суждением» отбрасывание советскими биологами положений и установок, список которых авторы здесь же приводят: «Метафизика, вулгарный материализм, капитализм, филдезм (т. е. вера в бога — И. П.), фашизм». Все это, по Хедсону и Ричине, подлежит «экспериментальной проверке».

Мы не знаем, где были Хедсон и Ричине во время фашистских воздушных налетов на Лондон. Можно полагать, что они были в укромных местах, иначе им вряд ли захотелось бы испытать какие-либо новые «экспериментальные проверки» фашистского учения.

Известные слуги империалистической буржуазии полны ненависти к Советскому Союзу, и это находит свое отражение и в их отношении к передовой советской науке. Всему миру известны крупнейшие научные достижения Мичурина и мичуриновцев: они переделали юг на север, перевосоздали породу южных растений, создав доступным их произрастание в несравненно более северных широтах. Недаром же в свое время американский биолог-селекционер профессор Гаизен должен был заявить: «Ни один селекционер в мире во все времена не может похвастаться столькими сортами, сколько может предьявить Иван Владимирович».

Но взбешенные ученые, прислужники капитала, брызжащие пеной ненависти к ма-

териалистически-диалектической идеологии советской биологической науки, биологи Америки и Англии ныне не желают считаться с научными фактами. Представляющий лженаучное направление в учении о наследственности английский генетик Дарлингтон неистовствует. Ему неизвестны даже самые слова «революция», «марксизм». Он приспосабливает им «отравляющие свойства».

«Такие люди, как Тимирязев и Мичурин», продолжает злобствовать сей «генетик», являются «застаревшими русскими ботаниками... их взгляды на наследственность были дискредитированы в научных кругах за границей». Прием этой «дискредитации» демонстрирует сам Дарлингтон. Он заявляет, что Мичурин вовсе не вывел никаких новых сортов, а просто... вывел их из Америки. На такого рода даже не инсинуации, а скорее, юродствующее заявление можно и не отвечать. Достаточно лишь указать, что американские коммерсанты почему-то усердно и настойчиво пытались угоротив Мичурину перебраться в Америку, предлагая ему 8 тысяч долларов в год и отдельный парол для перевозки материала мичуринского питомника. Может быть, для того, чтобы «завезти» в Америку «выведенные» оттуда сорта?

Когда-то говорили, что «немцу выдумал обмануть». Теперь на эту роль претендует Америка. Все, что есть в мире ценного, — это made in USA, т. е. произхождение американского. Как же не присвоить себя сюда и сорта Мичурина?!

Инсинуации и клеветнические выпад буржуазных ученых говорят лишь о бессильной злобе носителей идеологического распада и маразма Запада и Америки против советской науки, переживающей подъем свет передовой советской науки все ярче разгорается в мире, несмотря на всю злобу мракобесов западной науки.

Есть древняя арабская пословица: летучая мышь не способна видеть свет солнца, но она бесильна зыгнить своим черным крылом его сияние для зрячих.

И. ПРЕЗЕНТ, доктор биологических наук

И. ЗВАВИЧ

Вильям Буллит

На обложке журнала — датский каблук того фасона, который называют французским. Каблук огромный, — он возмущает, подобно утесу над морем. Каблук принадлежит лакированной туфельке, нарочито малых размеров — это небольшое ущелье в скале — каблук. У подножья каблук бравый мужчина в костюме хаки созерцает далекую страну.

Мужчина в костюме хаки — собственный корреспондент журнала «Лайф». Его зовут Вильям Буллит — разведчик и дипломат в отставке, репортер и торговец, мастер на все руки. Он пишет в «Лайф» уже не первый раз, но все же один и ту же тем: «Об угрозе большевизма для Европы». Кто он в Европе и кто ему Европа? О том следует наш рассказ.

Филадельфийская газета «Паблик Леджер», не в пример другим американским изданиям, избегая сенсаций, она печатает биржевую информацию и строгие отчеты о прениях конгресса. Успеха газета не имела; нужно было менять стиль, чтобы завоевать читателей. Когда в 1914 году началась война в Европе, редактор вызвал к себе молодого репортера Буллита, знавшего с детства немецкий язык. Вильям Буллит пытался в себя немецкую речь и немецкие символы с молоком матери, урожденной Луизы Хорвич. «Хорошо, что вы знаете немецкий», — сказал редактор, — но еще лучше, что вы умеете приврать по-английски».

«С американским паспортом и долларами в кармане, с корреспондентской карточкой нашей редакции в руках, вы можете рассчитывать на отличный прием», — прибавил редактор. — Пишите из Германии побольше и поострее. Пусть ваши корреспонденции напоминают английский бифштекс — с кровью и гарниром».

Буллит тем лет был недоучившимся юристом; с науки уголовного права, которую он пробыл изучать в Йельском университете, дело у него не клеилось, и бэйболл привлекал его больше, чем папки. Вопреки советам отца, который хотел купить Вильяму адвокатскую практику, он пошел по журналистской части. Предложение редактора «Паблик Леджер» было его первым шагом — «обещанной возможностью», как говорят в американских колледжах.

Политических взглядов в ту пору у Буллита не было; у газеты они были: ее читали филадельфийские немцы — спекулянты и маклеры, сочувствовавшие Германии. Перед отъездом в Германию матушка Луиза напутствовала сына словами о том, что ее немецкое отечество должно быть для Вильяма второй родиной.

Берлинский полицейский-президент, прием в министерстве иностранных дел для прессы на Вильгельмштрассе, необходимые пространства восточного фронта, огражденные польские селения, замученная Вена и нарядный Копенгаген промелькнули перед Буллитом. Он ни где не задерживался, писал статьи и за точностью не гнался. Из его корреспонденций читатель «Л. Л.» мог узнать, что Германия и только Германия может победить в войне, так как она одна к ней подготовлена как следует и что американская есть чему поучиться у немецких буршей, воюющих с точностью машин.

Для Буллита удивительное всего оказалось результат этих корреспонденций. «Л. Л.» была вначале довольно их германфильским тоном; но другие органы печати подхватили сведения Буллита и истолковали их по-своему. Немецкая военная машина, — писали они, — опасна для Америки. В интересах США разбить эту машину. А противники Германии для Америки не страшни. Буллит попал пальцем в небо. Редактор отозвал его из Европы и сказал Буллиту, что он глуповат и ничего не понимает в политике.

Расплачиваться за неудачу сына пришлось отцу Буллита. Он был богат и помог сыну «вклиниться» в демократическую партию. К выборам 1916 года Буллит-отец сдал солидный взнос в партийную кассу. Вскоре Буллит-сын получил младшую должность в Государственном департаменте.

В этом ведомстве объединяются функции ведомства внутренних дел, иностранных дел

и разведки. Впоследствии, выступая со свидетельскими показаниями перед сенатской комиссией по иностранным делам и обильная помощью тех, кто ранее ему оказывал покровительство — Вильсону Хауза и государственным секретарям Лансинга, — Буллит похвалялся, что работал в Государственном департаменте именно по линии разведки.

Неудачливый журналист и начинающий разведчик, Вильям Буллит, видимо, начиная самому себе казаться государственным деятелем. В ноябре 1918 года Буллит был членом американской делегации на Парижской мирной конференции. Ему поручили издать в день составления сводки данных военной и гражданской разведки для членов делегации. Вильсон привык к его фигуре: Буллит был неизменно доволен собой и на все готов.

При обсуждении вопроса о России Вильсон объявил, что направит в Москву молодого американца с разведывательными целями: выяснить положение вещей и установить, насколько крепкой является советская власть. Клемансо потребовал, чтобы к американцу был прикомандирован опытный офицер французской разведки. Так возникла миссия Буллит-Петри.

С арены разведки и журналистики Буллит переходит на кинокарты. «Фемес-Ласки-Плейерс» — такой был кинофильм, в котором в двадцатых годах нашего века Буллит начал свою деятельность. Он не выступал, конечно, в ролях Адольфа Менжу и не рвался конкурировать с Чаплиным. Он продавал старой Европе американские кинофильмы, с германским трестом «Уфа» он вел переговоры о размещении немецких фильмов. Из Германии он привозил сюжеты для модных американских кинокартин из «русской жизни», в которых была представлена развратная клякша, а под ключовой для самоваром пичаи обладатели истинно русских имен — мисс-фрейлен Ваня и мистер-герр Соня. На основании четырехмесячного пребывания в Москве в 1919 году Вильям Буллит стал редактором «Ласки-Плейерс» (и для самого себя) «специалистом по русским делам». Вместе с тем Буллит надеялся на себя, когда это было нужно, маску «друга России» и носил ее так же, как иные люди носят ботинки в петлице или зубочистку в жилетном кармане.

Буллит делал попытки «вернуться в политику». Но республиканцы, используя Буллита против Вильсона, не желали о нем знать более. Оставалось идти назад к демократам. Это и сделал Буллит, пожуровав, по примеру отца, немалую толику в пользу «Таммани-холла» (избирательной организации демократической партии в Нью-Йорке). С тех пор время забывал, что Буллит являлся Вильсоном, — да и кто не винил во всем Вильсона? Запомнил, однако, что Буллит — «специалист по русским делам».

Назначенный послом в Москву, Буллит действовал, как разведчик и как ростовщик. Как разведчик, он искал контакты с бурхаринско-троцкистскими подпольными членовеческого рода, которые состояли в заговоре против советского государства, от них черпал он информацию о «слабости» советской страны и о «неминуемом падении» советской власти.

Как разведчик и ростовщик, Буллит пытался мешать установлению дипломатического контакта СССР с другими странами, в частности, заключению договора о взаимной помощи между Францией и СССР в 1935 году. Провалившись в Москве, Буллит в 1938 году отправился в Париж.

Американский посол в Берлине Додд, человек, близкий наблюдатель гитлеровской клики и понимавший, какую опасную угрозу она собою представляет, рассказывает в своих воспоминаниях, как Буллит в 1936 году в Берлине вторил Розенбергу и Герингу. В своем дневнике Додд записал, что Буллит разглаживал о «легкой войне» против Советов, о «крестовом походе», который призвана осуществить носительница «западной культуры» Германия против «большевистских дикарей».

Вильям Буллит начинал с призывов в американской печати к союзу с вильгельмовской Германией. Это было тридцать с лишним лет тому назад. Вильям Буллит кончал призывами в американской печати продолжать дело гитлеровской Германии. Раньше лозунг Буллита был — «доллар и кайзер», теперь — «доллар вместо свастик». Таков Вильям Буллит — поджигатель войны.

Додд рассказывает и о деятельности Буллита в Париже, о которой он узнал от редактора бульварной пробышской «Матин». Этот журналист сообщил Додду при встрече, что Буллит настойчиво хлопотал о франко-германском сближении для совместного похода на Россию. Додд отвечал далее в своем дневнике, что Буллит в своих «Парижских откровениях» ссылался на поддержку британских «клайвденцев» из клики Асторов—Чемберленов, в том числе лорда Лотмана, впоследствии британского посла в Соединенных Штатах.

Во французской трагедии Буллит принадлежала не последняя роль. Буллит информировал Америку, что «линия Мажно» неприступна, что в Германии никто не собирается воевать с Францией, а Франция не будет воевать с Германией, что дело идет к сближению Франции и Германии в интересах общей борьбы с «врагом с востока», чему он, Буллит, всемерно содействует.

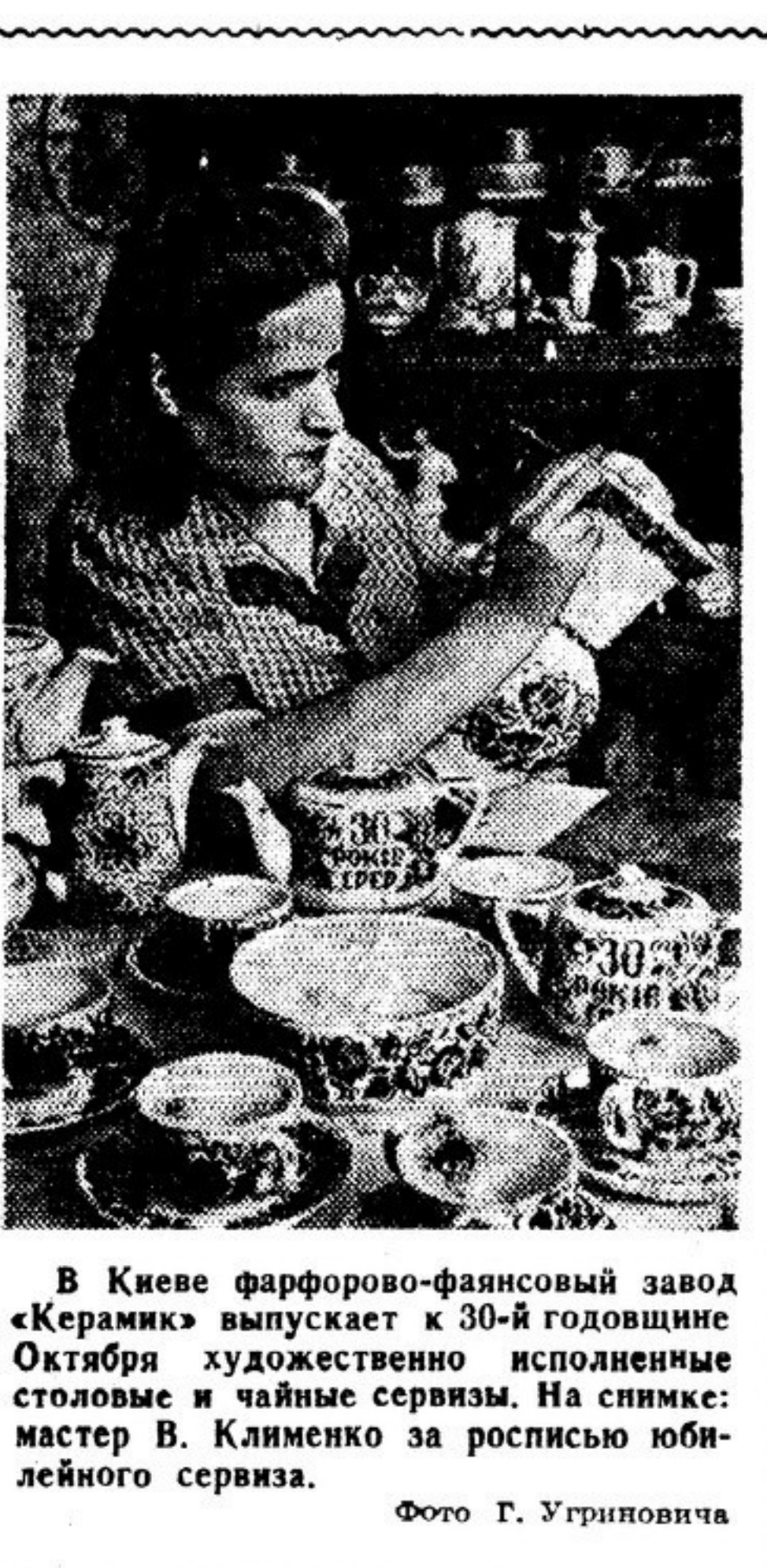
Когда в 1940 году гитлеровские орды двинулись на завоевание Франции, Буллит остался в Париже — передавать город немцам. Затем он переехал в Виши. Петяны и Лаваля, Дарланы и Поше в печати и на скамье подсудимых ссылались на то, что Буллит поддерживал их материально и подкармливал духовно.

И вот — новое превращение. Отозванный из Парижа Буллит возвратился к своим старым специальностям — разведке и журналистике. Он получил чин майора... французской службы от генерала де-Голля. Конечно, майор Буллит ни с кем не сражался в открытом бою, но, сопровождая войска, накапливал негласные сведения и кое-какие впечатления, которые можно было и опубликовать в печати.

Уже в 1944 году Буллит начал усиленно корреспонденцировать в «Лайф». Он переехал «интервью из Рима», в которых повествовал о том, как фашистские последние и пожелание остаться неизвестными святыне отцы из Ватикана боялись победы большевизма в Европе. Еще недавно распространявший вести о «слабости» Советской страны, тот же Буллит теперь изображает СССР «всесветным страшилицем». Он вместе с австрийским проходимцем Куденгове-Каледри принимает участие в организации «Пан-Европы» и обращается к читателям «Лайф» с предложением организовать «федерацию в защиту европейской культуры». В 1944 году Буллит выражал надежду, что не позже, чем через 15 лет, наступит новая, третья мировая война, в которой против Советского Союза будут сражаться Соединенные Штаты и Англия, подержанные всей Европой.

Этот основной мотив сохраняется в деятельности Буллита, где бы он ни был. В Бадене, где он был американским губернатором в 1945—46 годах, он призывал к объединению германских гитлеровцев и «западных победителей» — против русских союзников. В 1947 году он совершает поездку по Дальнему Востоку, через Японию и Китай — в Корею и Индо-Китай; и тут тоже раздает его антисоветские призывы, подобранные сенсацией. Всюду разжигает Буллит третью мировую войну, всюду сеет подозрение, сыплет обвинениями, говорит, что «настанет время» в Париже он, заявляет, что «большевики займут Францию по телефону»; в далеком Сайгоне кричит: «большевики уже здесь». Нет с ним старых его друзей — Розенберга и Геринга, с которыми он десять лет тому назад планировал антисоветский поход. Но они могли бы быть им довольны. Буллит продолжает их дело.

Вильям Буллит начинал с призывов в американской печати к союзу с вильгельмовской Германией. Это было тридцать с лишним лет тому назад. Вильям Буллит кончал призывами в американской печати продолжать дело гитлеровской Германии. Раньше лозунг Буллита был — «доллар и кайзер», теперь — «доллар вместо свастик». Таков Вильям Буллит — поджигатель войны.

В Киеве фарфорово-фаянсовый завод «Керамик» выпускает к 30-й годовщине Октября художественно исполненные столовые и чайные сервизы. На снимке: мастер В. Клименко за росписью юбилейного сервиза.

Юбилейный сборник «Советский театр»

К тридцатилетию Октября Всероссийское театральное общество выпускает юбилейный сборник, посвященный деятельности советского театра.

В сборник включены статьи: Д. Заславского — «Мировое значение советского искусства», О. Литовского — «Театральная политика советской власти», И. Крута — «Театр в годы Великой Отечественной войны», Б. Вилкина — «Горький и театр», И. Альмана — «Пути советской драмы», Я. Варшавского — «Советская режиссура», Д. Тальникова — «Актёр-современник», А. Бассеса — «Театральная декорация», С. Дурьяна — «Русская классика в советском театре», М. Морозова — «Зарубежная пьеса на советской сцене». Исследование В. Гордицкого посвящено советской опере и балету, статья А. Бруштейн — советскому театру для детей. Сборник завершается статьями Н. Горчакова, посвященной книгам о театре, и статьями С. Мокульского и И. Рогачевского о театральном образовании в СССР.

«Звезда» № 10

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Десятый номер журнала «Звезда» открывается специальным разделом, посвященным Алишеру Навои. Здесь напечатаны отрывки из поэмы «Изумление праведных» в переводе М. Тарловского, отрывки из «Книги газель» (перевод В.с. Рождественского) и статья А. Болдырева «Навои и его время». В номере опубликованы новая повесть Владимира Лифшица «Семь дней» — о наступлении войск Ленинградского фронта в январе 1944 года, а также окончание повести А. Чаковского «Мирные дни» и романа В. Кетлинского «В осаде». В разделе «Стски молодых» напечатаны произведения К. Кутова, В. Устинова, Н. Демьянова и М. Шургина. Публицистика представлена статьями «Партия и литература» Л. Плоткина и «Новая демократия Европы» Н. Константиновского. В разделе «История литературы» помещено исследование Д. Лихачева «Иван Грозный — писатель», в отделе «Критика» — статья И. Лежнева «Из темы о Шолохове» (к тридцатилетью советской литературы) и статья Б. Вальбе «А. П. Чапыгин».

Первый съезд немецких писателей

БЕРЛИН, 7 октября. (От наш. спец. корр.). Пятого октября в Берлине начал свою работу первый съезд немецких писателей. На съезд прибыли из всех зон Германии виднейшие представители современной немецкой литературы и гости из-за границы. В страшные годы фашистского гнета демократическая немецкая литература понесла большие потери. Более пятидесяти немецких писателей-демократов были расстреляны, повешены или замучены в концлагерях. Среди них — Карл Осецкий, Адам Кухфох, Эрнст Мозам, Альберт Гаусгер, Вальтер Хамзекеклер. Двести пятьдесят немецких писателей бежали из фашистской Германии. Только немногим прогрессивным литераторам удалось скрыться в подполье.

Разгром фашизма возродил демократическую немецкую литературу. Возвратившись на родину из изгнания, вышли из лагерей и тюрем передовые немецкие писатели-демократы, посвятившие многие годы своей жизни борьбе с фашизмом. Немецкий народ снова может читать Максима Горького, Маяковского, Ромэн Роллана, Анри Барбюса, Томаса Манна, Генриха Манна, Лиона Фейхтвангера. После окончания войны в Германии появилось много новых книг, большая часть которых издана в советской зоне. Демократическая немецкая литература начала благодарную работу — она помогает перевоспитывать немецкий народ. Поэтому, какое значение придадут широкие общественные круги Германии первому съезду немецких писателей?

Съезд открыла старейшая немецкая писательница Рихарда Хух, автор многих исторических романов. Творчество Рихарды Хух всегда было проникнуто идеями гуманизма. Первый съезд немецких писателей избрал ее своим почетным председателем. Заседаниями съезда руководит писатель-драматург Гюнтер Райзенбергер, который вместе с Адамом Кухфох участвовал в подпольном антифашистском движении. За последние два года после выхода из тюрьмы он написал три драмы, в том числе «Подпольщик». В работе съезда принимают участие Эрих Вайнерт, Иоганнес Бехер, Фридрих Вольф, Анна Зегер, Берндт Келлерман, Людвиг Ренн, Вилли Бредель, Альфред Канторевич и другие немецкие писатели, критики и издатели из Берлина, Дрездена, Мюнхена, Гамбурга, Франкфурта-на-Майне.

На съезд прибыли гости из Югославии, Англии, Чехословакии, Америки, Южной Африки. Бурной овацией было встречено появление в зале делегации советских писателей: Бориса Горбатова, Всеволода Вишневского и Валентина Катаева. Борис Горбатов от имени советской делегации приветствовал участников съезда и призвал немецких писателей быть в первых рядах борцов за демократию и мир. Горячее одобрение встретили слова Горбатова о том, что советским писателям чуждо чувство мести в отношении немецкого народа. Съезд приветствовали также югославский писатель Иван Попович и генеральный секретарь английского ПЕН-клуба Гермон Оулд.

В первый день съезда была подвергнута критике деятельность немецких писателей в годы гитлеровской диктатуры. Часть выступавших пыталась оправдать приспосабливание некоторых писателей к фашизму и объединить в одну группу «внутренней эмиграции» тех, кто сидел в лагерях и тюрьмах, и тех, кто в эти тяжелые годы писал стихи о природе и исторические романы. Однако большинство демократических писателей новой Германии осудило уход части немецких писателей в историю, заблужденную лирику, как стремление некоторых «отвлечься» от действительности.

Писатель Петер Штейнгоф, который при фашистах написал две книги на исторический сюжет, заявил под громкие аплодисменты: «Я обвиняю себя». Он призвал писателей быстрее покончить с настроениями «изольтации» и теснее сблизиться с народом. Писатель Карл Шног, проследивший не один год в концлагере, в горячие речи призвал писателей разоблачать вражеских убийц, чтобы они завтра опять не стали убийцами.

О творческой антифашистской деятельности немецких писателей в эмиграции говорили Альфред Канторевич, Эрих Вайнерт и Рудольф Леонхард. В отличие от писателей из «внутренней эмиграции», которые изолировались от своего народа, многие антифашистские немецкие писатели, находясь за границей, были, однако, тесно связаны с жизнью своей страны. Только так можно объяснить появление таких реалистических произведений, как поэма Иоганнеса Бехера, пламенные стихи Эриха Вайнера, роман «Седьмой крест» Анны Зегер, драма «Профессор Мамлок» и роман «Возвращение сыновей» Фридриха Вольфа, историческое повествование «Ложный путь одной нации» Александра Абуша, роман «Испытание» Вилли Бределя. В этих и многих других произведениях, вышедших в Германии за последние два с половиной года, немецкие писатели страстно обличают недавнее прошлое своей страны. Но, к сожалению, в Германии пока почти нет книг о сегодняшнем дне. Еще не нашли своего воплощения в творчестве немецких писателей такие важнейшие проблемы, как борьба за национальное единство Германии, демократическое преобразование жизни, установление новых общественных отношений в советской зоне оккупации и изменения, происходящие в связи с этим в сознании людей. Переоценить немецкого народа немислимо без участия немецкой литературы, которая должна показать противоречия и борьбу между силами реакции и прогресса в современной Германии. Начавшийся съезд немецких писателей должен наметить дальнейшие пути развития немецкой демократической литературы.

7 октября на съезде немецких писателей были заслушаны три доклада. Писатель Аксель Эггебрехт (Гамбург) в своем докладе поставил вопрос, — оказывается ли еще фашизм свое вредное влияние на литературу. Охарактеризовав исторические предпосылки нацизма в Германии, Аксель Эггебрехт сказал, что угроза возрождения фашизма в Германии еще не устранена. Он призвал немецких писателей единым фронтом выступать против этой опасности. На конкретных примерах Эггебрехт по-

казал, что нацизм и теперь еще продолжает влиять на немецкую литературу. Под всеобщее одобрение он предложил, наряду с союзными военными судами и немецкими палатами по деашификации, создать особую духовную инстанцию, которая могла бы выносить последнее решение об общественной полезности того или иного писателя.

После доклада Анны Зегер (Берлин) на тему «Писатели и духовная свобода» с докладом о положении писателя в обществе выступил доктор Ганс Майер (Франкфурт-на-Майне). Он подчеркнул, что писатель не должен быть эстетом, создающим произведения для узкого круга ценителей, а обязан в своем творчестве правильно решать большие социальные вопросы. Он должен быть тесно связан с народом.

Третий день съезда был посвящен обсуждению жизненно важных для немецкой литературы вопросов. Но кому-то, вне стен съезда, это не понравилось. Видимо, поэтому председательствовавший в этот день на съезде писатель Биркенфельд (издатель журнала «Горизонт» по американской лицензии) неожиданно объявил, что слово имеет американский «гость». Маленький человек поднялся на трибуну и отрекомендовался: «независимый» писатель Ласки. Его полушумная речь неоднократно прерывали громкие возмущения большинства присутствующих, и только небольшая группа, среди которой некоторые говорили на немецком языке с явным заезженным акцентом, поддерживала оратора. Оратор распустился о свободе печати, клялся, что не может представить себе жизнь без оппозиции и критики. К какой же оппозиции принадлежит Ласки? Оказывается, во время войны против гитлеровской Германии и империалистической Японии Ласки боролся с «борюкатрией Вашингтона». Ему не нравилось, что Бельди Дом пытался контролировать таких писателей, как он. Ему не нравилось запрещение фашистской пропаганды в Америке, поэтому он и боролся против президента Рузвельта. Теперь Ласки счастлив сообщить немецким слушателям, что в Америке для таких писателей, как он, снова имеется свобода слова.

Кто-то из зала крикнул: «А как с Герхардом Эйслером?» (немецкий антифашистский писатель, посаженный в США в тюрьму без всяких причин). Ласки молча ждал, пока крики возмущения в зале стихнут, и затем от рассуждений об американской свободе перешел к открытой антисоветской пропаганде. С поразительной развязностью этот никому не известный субъект начал защищать... писателя Зошенко.

Шум в зале нарастал. Возмущенные длинной провокационной речью «гостя», слушатели требовали убрать демагога со сцены. Раздавались возгласы: «Это неслыханно», «Он злоупотребляет правом гостя». Протоиерец вынужден был умолкнуть и убраться со сцены, а вскоре вовсе исчезнуть из зала. Совершенно очевидно, что «независимый» провокатор Ласки по заказу своих хозяев хотел поспорить с немецкими писателями с советскими писателями, а заодно сорвать работу съезда.

Советский писатель Валентин Катаев в своем выступлении заметил, что ему было интересно увидеть живого поджигателя войны.

— У нас в Советском Союзе, — сказал он, — таких экземпляров не имеется. Это очень поучительное зрелище. Мне неизвестно, — продолжал Катаев, — какие книги написал Ласки. Я знаю других американских писателей. Я знаю Эдгара По, Марка Твена, Колдуэлла, Хемингуэя, Стейнбека и многих других. Но Ласки мне совершенно неизвестен. Я думаю, что если когда-нибудь этому Ласки будет поставлен памятник, то на нем благодарные американцы напишут: «Могла неизвестно писателя». Пускай на меня не сердятся за то, что я уделяю такое большое внимание неизвестному Ласки, но я делаю это потому, что Ласки не личность, а явление, и к тому же весьма прискорбно.

Валентин Катаев заклеил взорные сплетни проходимца Ласки о Советском Союзе и напомнил, что Геббельс тоже пользовался подобными средствами для травли Советского Союза; чем это кончилось, всем известно. — Сегодня, — сказал Катаев, — порядочность и честность людей определяется отношением к демократии и, в частности, к Советскому Союзу. Что касается непрошенной «защиты» Зошенко со стороны неизвестного провокатора Ласки, то я должен сказать следующее. Что, собственно, произошло у Зошенко? Зошенко у нас резко критиковали, так как у нас, в демократическом государстве, существует свобода печати. А ныне новые рассказы Зошенко напечатаны в последней книге журнала «Новый мир», и напечатаны они, собственно говоря, мною, так как я являюсь одним из редакторов этого журнала. О том, что рассказы Зошенко напечатаны, неизвестно Ласки, очевидно, неизвестно, так как он пользуется «устаревшими отмычками». Участники съезда одобрили предложение Валентина Катаева — предать забвению нелепый и печальный инцидент с неизвестным Ласки.

Немецкие писатели выразили свое возмущение провокационной выходкой американского писателя. Писатель Вольфганг Харрих задал вопрос Ласки и другим «любителям оппозиции», почему они не выступают против запрещения в западных зонах Германии антифашистского фильма по сценарию Анны Зегер, почему в западных зонах Германии запрещена книга американского писателя Синклера Льюиса о жизни негров в Америке и книга Эллиота Рузвельта о его отце — великом американском президенте; почему без всяких причин во Франкфурте-на-Майне был лишен права издавать газету антифашистский писатель и журналист Эмиль Карлбах?

В этот же день участники съезда с напряженным вниманием заслушали содержательный доклад поэта Иоганнеса Р. Бехера на тему «Немецкая литература и борьба за мир».

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-78-02; внутренней жизни — К 4-60-02, К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Спектакль без пьесы

Вера Павлова написала замечательную повесть «Спутники». Будни, как будни, даже мелочи нашей повседневности, горести и несчастья обыкновенных, невыдающихся людей, труда и радости их — вот в чем впечатляющая сила этой повести. Вы постепенно приспосабливаетесь к глубокой симпатии к этим людям и вдруг с изумлением чувствуете, как бывают патетичны и возвышены наши будничные, скромные дела. И тогда оказывается, что эти «спутники» — работники обыкновенного санитарного поезда — идут по большой советской дороге жизни... Эта повесть, удостоенная Сталинской премии, сейчас переработана для сцены (переводение для сцены А. Дар) и показана в Москве театром им. Ермоловой в постановке А. Лобанова.

Но что это такое — переводение для сцены? Беда, если инсценировка выполнит роль своеобразного мексанизма и с известной долей хитрости спрячет материал для представления на сцене. А дело это отнюдь не механическое. Оно требует ума, искусства и художества.

Художественный подход к инсценировке литературного произведения означает серьезную работу над главной, решающей задачей, которая состоит в том, чтобы выразить идейную сущность взятого литературного материала. Это раз. Затем инсценировка должна точно понимать, что он создает самостоятельное сценическое произведение. Это а значит, что оно, перенесенное из литературы на театр, получает другую и особенную жизнь, как бы рожденное вновь. Это два. И третье условие, как следствие первоначальных, необходимо требует от автора-инсценировщика строить так сценическое произведение, чтобы оно на сцене начиналось, здесь же наглядно развивалось и на сцене же заканчивалось.

Людско, когда выпит, как механическое переводение для сцены портит и компрометирует хорошую литературу. Еще

дождее, что сами авторы хорошей литературы не придают значения инсценировкам, которые потом смотрит огромная аудитория. Повидимому, писательница Павлова не имела никаких претензий к инсценировке своей повести. Переводение для сцены сделано, спектакль поставлен... Что же это за спектакль?

Если забыть о повести и думать только о сценическом произведении, то, право же, тут, собственно говоря, и думать не над чем. Инсценировка кое-как справилась с механической задачей, а самая душа повести за это механикой пропала.

Жизни-были, делали то и другое... Будни, как будни, со всеми житейскими мелочами. Неудачливый человек... Но ведь не ради же этого разглагольствует весь спектакль, чтобы показать, как жили-были люди в санитарном поезде. Они спасали раненых. Прекрасно. Но это их прямое назначение. А еще что?

А еще... и тут инсценировщик, прибегая к другим приемам сюжетности, устраивает романы для двух пар. И так как всякий, самый жалкий роман на сцене делается интересным, то неожиданно драматургическая цель инсценировки свелась к ничтожному итогу этих двух романов.

Первоначальный материал повести оказался искаженным. Доктор Супругов с его житейской мелочностью, с его сомнениями холостяка занял главное сценическое место и ни с того ни с сего сделался открытым подпольем. Ему в лицо говорят со сцены: «Вам надо плынуть в морду».

Артист В. Лекарев блестяще играет роль Супругова. Вышел нарочито точный тип прямо-таки вдохновенного ничтожества. Совсем незвано, что он никак не связан с общей картиной, неважно даже, что, с достоятельно развитое в большую линию, его ничтожество компрометирует самый лучший, самый возвышенный образ спектакля — образ хирургической сестры Юлии Дмитриевны. З. Кирвалова создала сценический шедевр. Вот где сказалося огромной силой направление Ермоловского театра: верность современности. Юлия Дмитриевна как в повести, так и в спектакле является типическим выражением моральной чистоты. Но по бездарности инсценировки вышло так, что эта замечатель-

ная женщина полублюда явного подполья, и в этом все дело. А тут еще идет вторая роман — «комический»: другая сестра — Фаина задевает в свои сети молодого, но страдающего иншасом электроинженера. От повести остаются рожки да ножки.

Что за спутники? Почему «Спутники»? В чем мысль произведения? В чем смысл его сценического существования? Автор инсценировки не дает ответа.

Во всяком сценическом произведении имеет решающее значение экспозиция. Комиссар санитарного поезда прощается с женой перед отъездом. Он через силу объял свою жену. «Обними хоть раз», — сказала женщина. Обнял. Ясно, что он жену не любит. Любит маленького сына, что еще сильнее подчеркивает его отношение к жене. Зачем дана эта горькая, неприятная экспозиционная сцена?

Просто так. Механическое перенесение из повести. В таком повести — иное дело. Там комиссар Данилов открывает нам свои раздумья, переживает какие-то особенности своей жизни и, проникшись любовью к окружающим его людям, находит в своей душе новые чувства к жене. Там есть тонкая художественная линия. Здесь — простой и грубый случай из жизни какого-то комиссара Данилова, который не любил жену, уехал и забыл совсем про нее.

Удача, что роль Данилова играет хороший артист. Ф. Корчагин умно и мягко складывает первоначальное впечатление ненужной сцены, не имеющей последствий. Да, его Данилов — подлинный помощник начальника поезда. С ним должно быть приятно работать. Но это и все...

Надо обладать искусством, чтобы верно перевести из повести на сцену художественный образ Данилова. Механические руки передали схему. Искусство театра придало схеме подобие жизни. Была хорошая литература, стала плохая драматургия.

И эта же плохая драматургия дала поразительно плачевный образ доктора Белова, начальника санитарного поезда. Тут и театр прибавил свою лепту. По сути дела, вся линия доктора Белова в пьесе заключается в его нежной любви к своей жене Сонечке. Это — вина драматурга. Но неж-

ность нежность; сентиментальность, — вот что плохо. Это уже — вина театра. Центральная драматическая сцена роля, где должен, видимо, раскрыться весь Белов, дана в спектакле как чувствительно-сентиментальный монолог.

Зачем все это сделано? А просто так. Один не любил свою жену, другой любил. Но если автор сентиментского произведение не знает решающей задачи, ради которой он берется за работу, то он в лучшем случае механически, а то и просто наудач будет располагать части, выбирать эпизоды из первоначального литературного материала. Тогда — на сцене спектакль без пьесы.

Чем объясняется такое странное явление? Ведь если бы «Спутники», как сценическое произведение, пришли в театр без рекомендательного и спасительного диплома лаповской повести, то эта вещь в этом виде не увидела бы сцены. В таком случае явился бы прежде всего решающий вопрос — зачем? Идея, тема, смысл? В таком случае являлось бы вообще множество законных вопросов к автору, от которых никак нельзя отмахнуться.

Другое дело, когда приходит инсценировка известного литературного произведения. Существует рискованное мнение, что все критика должна знать это произведение. А если все не знает, то прочтут потом. И вместо того чтобы дать хорошему литературному произведению сценическое рождение, театр дает драматургический surrogate. Вот что и случилось со «Спутниками» Веры Павловой.

Конечно, хорошая литература даст себя знать обязательно. Актеры прощадут грехи инсценировки даже за один литературный язык. Никогда не денешь и художественную силу образов, хорошей литературы. И почти каждое лицо, взятое само по себе, в этом спектакле отмечено сильными художественными качествами. Театр им. Ермоловой в «Спутниках» снова показывает свое незаурядное мастерство, проникнутое точностью и подкупающее искренностью в изображении современных лиц.

И как досадно, что этим талантливым людям так и не удалось объединить спектакль под знаком ясной и ведущей мысли повести.